

Е Цзюньшу обернулся и увидел не только дядюшку Жуна, но и самого старейшину рода Е, которого вели под руки.

Цзычжоу поспешил навстречу, подхватывая деда Е за локоть:

— Дедушка, ну зачем вы сами пришли? Это я должен был навестить вас.

Старейшине уже перевалило за семьдесят. С древних времен дожить до семидесяти считалось редким долголетием. В деревне дед Е был человеком весомым и уважаемым.

Его борода и волосы были совершенно белыми, лицо изборождено глубокими морщинами, но взгляд оставался ясным. Он вцепился в руку Е Цзюньшу и дрожащим голосом спросил:

— Чжоу-цзы, это правда? Ты и впрямь стал сюцаем?

Е Цзюньшу слегка склонился и скромно ответил:

— Хотя официальная табличка еще не пришла, мое имя было в красном списке. Если не случится ничего непредвиденного, то да, я сдал.

Услышав о красном списке, дед Е трижды восторженно воскликнул: «Хорошо!»

— Наконец-то в нашем роду Е появился достойный преемник! Жун-цзы!

Дядюшка Жун тут же выступил вперед и почтительно отозвался:

— Я здесь, третий дедушка! Слушаю ваши распоряжения!

— Выбери добрый день, откроем храм предков для жертвоприношения. Устроим в деревне трехдневный пир горой, пускай все празднуют!

Старейшина был вне себя от радости, лицо его покраснелось, он словно разом помолодел на десяток лет.

— Будет сделано, я всё организую, — стороста Жун и сам этого хотел, так что возражать не стал.

Это было великое событие для всей деревни. Нужно было не только отпраздновать самим, но и позвать родню и друзей из соседних сел, чтобы все вокруг знали: в деревне Ецзяцунь появился свой сюцай!

Дядюшка Жун выпрямил спину, с его обычно сурового лица не сходила улыбка. Появление дипломированного ученого в деревне не только негласно поднимало её статус, но и облегчало молодежи поиск выгодных пар для брака. Теперь любой прохожий будет смотреть на них с почтением.

Селяне тоже были в восторге, чувствуя сопричастность к успеху. Поздравления лились рекой, так что у Е Цзюньшу даже уши покраснели.

Заметив, что семья собралась прибираться, фуланы с энтузиазмом отобрали у них работу, ловко принявшись подметать полы и протирать столы.

— Наш Чжоу-цзы теперь человек непростой, негоже ему черную работу делать! — фулан Ху Второго услужливо подхватил ведро и побежал к колодцу за водой.

Поскольку все дружно принялись за дело, Е Цзюньшу не смог отказаться. Он не переставал благодарить их, а затем вместе с старостой Жуном помог старейшине выйти.

Дома стояла суматоха, деду Е там было не место, так что Е Цзюньшу вместе с другими мужчинами отправился к старосте Жуну.

Видя их любопытство, Цзычжоу принялся рассказывать об экзаменах. Вся деревня гудела как никогда — такое оживление не всегда случалось даже на Новый год.

Дядюшка Жун с торжественным видом достал старый календарь, и они принялись вместе выбирать благоприятный день, при этом староста Жун постоянно спрашивал совета у Е Цзюньшу. Всё это время дед Е сидел рядом и с доброй улыбкой наблюдал за потомками, то и дело кивая: «Хорошие ребята, наш род Е теперь точно пойдет в гору!»

Е Цзюньшу помнил, что шицун тоже будет устраивать пир, и их даты не должны были совпадать. Он планировал пропустить шицуна вперед, а свой праздник устроить следом, о чем и сообщил старосте. Тот подобрал несколько подходящих дат и оставил выбор за Е Цзюньшу.

Как только новость о том, что Е Цзюньшу стал сюцаем, облетела округу, поток гостей стал неиссякаемым. Поначалу Е Цзюньшу справлялся с приемом посетителей играючи, но вскоре почувствовал, что силы на исходе. Он решил закрыть двери и, забрав детей, уехал в уездный город. Там было поспокойней. У шицуна, в конце концов, были родители, которые взяли на себя основную часть приемов и визитов вежливости. Сам же Яолян наслаждался свободой: едва вернув свои заветные рукописи, он заперся в комнате и, не выходя наружу, яростно строчил новые главы.

Как говорится, всё познается в сравнении. Е Цзюньшу, глядя на это, даже не хотел разговаривать с другом. Согласовав время проведения торжеств, он вскоре вернулся с детьми в деревню. На третий день, ближе к полудню, внезапно прибежал аму Мин:

— Чжоу-цзы! Чжоу-цзы!

— Аму Мин, что случилось? — Е Цзюньшу поспешил выйти, услышав в голосе соседа смесь тревоги и крайнего возбуждения.

Аму Мин прижал руку к груди, лицо его пылало:

— Чжоу-цзы, господин уездный начальник! Господин уездный начальник пожаловал!

Уездный начальник? Первым делом Е Цзюньшу вспомнил того самого Ван Чжигао, но его уже отправили в столицу на казнь. Значит, аму Мин имел в виду нового главу уезда. Не успел Е Цзюньшу и слова вставить, как послышался грохот гонгов и барабанов — процессия направлялась напрямик к его дому. Шум становился всё ближе.

Е Цзюньшу быстро распахнул ворота, метнулся в спальню, чтобы переодеться в халат ученого, и достал заранее приготовленные красные конверты — хунфэны, которые вручил Мин-аму. Их полагалось раздать стражникам, принесшим благую весть. Обо всех этих тонкостях его заранее проинструктировал шиму.

Едва они вышли к воротам, как показались стражники в красных куртках. Они бодро били в гонги, а за ними валом валили любопытные односельчане. Впереди шел новый глава уезда, господин Цзян, в официальном облачении.

Е Цзюньшу незаметно присмотрелся к нему: поджарый мужчина средних лет с глубокими носогубными складками. Углы его губ были привычно опущены вниз — по характеру он явно напоминал учителя Циня. На первый взгляд он казался тяжелым в общении, но взгляд его был прямым и честным. Чувствовалось, что этот человек не потерпит никакой фальши. Такие прямолинейные люди обычно не приживаются при дворе, легко наживая врагов, но Е Цзюньшу они нравились — по крайней мере, не стоило ждать от них ножа в спину.

Процессия остановилась. Мужчина средних лет в одежде книжника — помощник судьи — выступил вперед:

— Здесь ли проживает Е Цзюньшу из деревни Ецзяцунь?

Е Цзюньшу с достоинством ответил:

— Слушаю вас, господин. Перед вами ваш покорный слуга.

Книжник выпрямился, развернул красный свиток и зачитал весть об успехе:

— Е Цзюньшу из деревни Ецзяцунь уезда Фэнчэн провинции Юнчжоу, рожденный во второй год правления Тайань... Ныне, в семнадцатый год Тайань... занял девяносто восьмое место в списках...

Е Цзюньшу внимательно слушал. Собственно, замерли все присутствующие. Хоть слог был тяжелым и официальным и селяне мало что понимали, всем было ясно главное: Чжоу-цзы официально стал сюцаем. Лица соседей сияли от гордости.

Когда чтение закончилось, Е Цзюньшу вручили памятную табличку сюцай и императорскую награду — двадцать лянов серебра.

— Сюцай Е, поздравляем!

Е Цзюньшу принял дары обеими руками, не в силах сдержать улыбку:

— Взаимно, господа, взаимно!

— Господа стражники, вы проделали долгий путь, примите от нас скромный знак внимания в честь такого праздника! — аму Мин с сияющим лицом начал раздавать красные конверты.

Подобные «наградные» стражникам брать дозволялось, так что никто не отказывался: конверты принимали охотно, рассыпаясь в ответных поздравлениях. Стражников обычно набирали из окрестных деревень, и Е Цзюньшу даже узнал среди них нескольких своих односельчан.

Господин Цзян произнес: — В нашем уезде больше десяти лет не было новых сюцаев, а в этом году сразу двое. Я весьма утешен этим и выражаю свою похвалу. Надеюсь, сюцай Е не станет превозноситься и продолжит усердно трудиться, чтобы в будущем достичь еще больших высот.

Подали еще один поднос, накрытый красной тканью. Е Цзюньшу принял и этот дар, почтительно поклонившись:

— Благодарю за наставления, господин. Я запомню ваши слова.

Глава уезда добавил еще несколько ободряющих фраз.

Аму Мин тоже не сидел без дела: вместе с другими фуланами он подносил гостям чай и наспех собранные угощения.

— Господин начальник, не желаете ли войти в дом и немного передохнуть? — видя, что гостям неловко стоять у порога, Е Цзюньшу вежливо пригласил их войти. Господин Цзян отказался, сославшись на дела, и собрался уходить. Е Цзюньшу поспешно добавил: — Господин, через пять дней в деревне будет пир. Не окажете ли вы нам честь своим присутствием?

Тот не стал отказываться: — Я непременно приду, чтобы разделить вашу радость.

Они были здесь людьми новыми и еще не успели освоиться в Фэнчэне. Праздники в честь двух новых сюцаев были отличным поводом сблизиться с местными — идея советника оказалась весьма разумной. Процессия во главе с начальником уезда пробыла недолго и, исполнив миссию, отбыла.

Селяне тут же подняли шум, каждому не терпелось хоть краем глаза взглянуть на табличку «господина сюцая». Е Цзюньшу никому не отказывал. Следующие дни были еще суматошней. Е Цзюньшу со всем своим семейством съездил на пир к шицуну, а на следующий день вернулся в деревню, прихватив с собой всю семью учителя. Учитель Цинь с супругом еще никогда не гостили у него, и Е Цзюньшу стоило немалых трудов уговорить их остаться на несколько дней.

Деревенский пир горой не отличался изысканностью городских приемов, зато был куда душевнее и шумнее. Цинь Яолянню такая атмосфера пришлась по вкусу — он веселился так, что, казалось, и о доме забыл.

Когда суэта улеглась, учитель вызвал Е Цзюньшу на серьезный разговор о планах на будущее. Е Цзюньшу улыбнулся: — Учитель, не беспокойтесь. Я трезво оцениваю свои силы. Пытаться сдать провинциальный экзамен в следующем году было бы чистой воды безумием. То, что я прошел сейчас — во многом просто удача. Поэтому следующие три года я намерен посвятить глубокому изучению наук и накоплению знаний.

Цинь Кантянь погладил бороду: — Отрадно слышать. Твои способности хороши, но ты пропустил три года основ, и теперь нужно потратить вдвое больше сил, чтобы заложить прочный фундамент. Идти на экзамен в следующем году было бы пустой тратой времени. Лучше потратить эти годы на самосовершенствование.

— Я понимаю, учитель.

Видя, что Е Цзюньшу рассудителен, спокоен и не заважничал после успеха, учитель Цинь остался очень доволен. С таким прилежанием через три года у Цзычжоу будут реальные шансы. Гордясь таким учеником и вспоминая своего непутевого младшего сына, он внутренне хмыкнул и уже строгим тоном добавил:

— С завтрашнего дня я буду приглядывать за тобой еще строже. Теперь будешь приходить в школу каждые несколько дней, я буду заниматься с тобой отдельно.

Е Цзюньшу не понял, почему у учителя вдруг испортилось настроение, но все же почтительно ответил:

— Да, учитель. Я обязательно оправдаю ваши высокие ожидания.